

Н. Ю. ПЛАВИНСКАЯ

«Трудности перевода»: Монтескье в русских изданиях XVIII – начала XIX века

Литературное признание пришло к Монтескье в 1721 г. с публикацией «Персидских писем» — эпистолярного романа, стоявшего, по мнению Ю. М. Лотмана «у истоков просветительской публицистики»*. Историческое эссе «Размышления о причинах величия и падения римлян», изданное в 1734 г., было встречено читателями сдержанно, но и оно добавило автору известности. Выход же в свет в 1748 г. трактата «О духе законов» поставил Монтескье в ряд крупнейших мыслителей своего времени. Оказавшись в центре острой дискуссии, охватившей Европу, «Дух законов» сразу стал пользоваться устойчивым читательским спросом. Вслед за первым женевским изданием в том же году появилось поддельное парижское, а уже в следующем 1749 г. вышло не менее 12 легальных и контрафактных перепечаток**. С середины столетия библиотека всякого образованного европейца непременно включала в себя книги Монтескье. С 1734 г. — отдельные сочинения, а после 1758 г. собрания сочинений печатались ежегодно, причем число переизданий достигало иногда 7–8 в год (этот издательский бум продолжался примерно до 1808 г., когда число публикаций сократилось). Одновременно множилось и количество переводов. Их динамика отчасти отражала широту и скорость распространения идей Монтескье за пределами Франции.

---

* Лотман, Ю. М. Русская литература и культура Просвещения. — М., 2000. — С. 242.

** *Editer Montesquieu. Pubblicare Montesquieu / A cura di A. Postigliola.* — Napoli, 1998. — P. 75–76.

Лидировала в этом отношении Англия. С 1722 г. до конца столетия английские переводы «Персидских писем» печатались не менее 13 раз*. Дважды выходили «Размышления о причинах величия и падения римлян». Особым спросом пользовался «Дух законов»: англичане не остались равнодушными к тому, какую высокую оценку французский мыслитель дал государственному устройству их страны. После первой публикации в 1750 г.** в течение пятидесяти лет английские переводы «Духа законов» выходили отдельными изданиями не менее 19 раз. А ведь были еще и собрания сочинений...

В Италии «Дух законов» начал издаваться в 1750 г. в Неаполе, но из запланированных четырех томов вышло лишь два: трактат попал в «Индекс запрещенных книг»¹ и публикация была приостановлена. Однако в 1773 г. венецианец Дзатта² сумел напечатать полный перевод, указав на титульном листе вымышленный адрес (Амстердам). А в 1777 г. неаполитанец Террес³ перепечатал отредактированный перевод Дзатта, снабдив его примечаниями Антонио Дженовези⁴***. Издание Терреса долго оставалось для Италии «образцовым»: в первой половине XIX в. оно перепечатывалось шесть раз. Трижды на протяжении столетия по-итальянски издавались «Римляне». Особым успехом у итальянских издателей пользовалась галантная безделица Монтескье «Книдийский храм»: ее печатали девять раз. А вот полный перевод «Персидских писем» итальянцы увидели лишь в XX в.

По сравнению с Англией и Италией, прием, оказанный Монтескье германскими издателями, кажется более сдержанным. Все же немецкий перевод «Духа законов» вышел уже в 1753 г., и был повторно переиздан в 1782 г., а затем включался во все собрания сочинений. Дважды издавались «Персидские письма» — в 1759 и 1760 г. В 1786 г. были опубликованы по-немецки «Размышления о причинах величия и падения римлян»****.

* Œuvres complètes de Montesquieu / Éd. dirigée par J. Ehrard et C. Volpilhac-Auger. — Oxford, Napoli, 2004. — T. I. — P. 127–130.

** Shackleton, R. John Nourse and the London Edition of L'Esprit des Lois // Studies in the French Eighteenth Century. Presented to J. Lough. Univ. of Durham, 1978. — P. 248–259.

*** De Mas, E. Montesquieu, Genovesi e le edizioni italiane dello Spirito delle leggi. — Firenze, 1971.

**** Herdmann, F. Prolégomènes à une histoire de la réception de Montesquieu en Allemagne // Lectures de Montesquieu. Actes du colloque de Wolfenbüttel

Как на этом фоне обстояло дело с переводами Монтескье в России в XVIII – начале XIX столетия? Ответ на этот вопрос проливает свет на обстоятельства «русской судьбы» Монтескье лишь отчасти, поскольку образованные российские читатели (как и прочие европейцы) нередко знакомились с его произведениями в оригинале. И все же динамика переводов – довольно точный показатель востребованности автора, а для интересующего нас периода этот показатель особенно важен. Сошлюсь на мнение Ю. Д. Левина: «Для России XVIII в. переводная литература имела особо важное значение, какого она не достигала ни в предшествующую, ни в последующую эпохи»*. Действительно, интенсивное освоение определенной частью российского общества культурного опыта Западной Европы, развернувшееся в XVIII в., сопровождалось масштабными усилиями в сфере перевода, и хотя образованное сословие все шире осваивало французский язык, постепенно превращая его в средство повседневного общения, потребность читать книги иностранных (в том числе и французских) писателей по-русски возрастала. Ю. М. Лотман писал (применительно к Руссо): если «отсутствие перевода не может рассматриваться в качестве свидетельства незнакомства русского читателя с тем или иным произведением», то его наличие, безусловно, является «актом определенного признания, утверждением ценности текста в глазах русского общества»**.

Я попытаюсь рассмотреть русские переводы Монтескье по возможности в широком контексте, задаваясь вопросом не только о том, кто и когда его переводил, но и о том, как его переводили и как издавали, поскольку эти обстоятельства могут высветить многие аспекты восприятия в России творчества одного из первых французских просветителей.

(26–28 octobre 1989). — Napoli-Paris-Oxford, 1993, S. 109–115; Möller H. Montesquieu vu par l'Allemagne du XVIIIe siècle // Actes du colloque international à Bordeaux, du 3 au 9 décembre 1998 pour commémorer le 250ème anniversaire de la parution de L'Esprit des Lois. — Bordeaux, 1999. — P. 519.

* История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: Т. 1. Проза. — СПб., 1995. — С. 9.

** Лотман, Ю. М. Русская литература и культура Просвещения. С. 145.

«Перевести на российский язык позволить»

Первым русским переводчиком *Монтескье* считают князя Антиоха Кантемир⁵ — поэта и дипломата, занимавшего в 1738–1744 гг. пост полномочного министра России во Франции. Он — единственный из россиян, кто был связан с *Монтескье* личным знакомством и общими друзьями. К их числу принадлежал аббат Гуаско (1712–1781), сыгравший роль в литературной судьбе обоих⁶. Гуаско был вовлечен в работу *Монтескье* над «Духом законов», перевел трактат с подаренной ему рукописи (перевод не печатался), а после смерти своего французского друга опубликовал переписку *Монтескье* с его итальянскими корреспондентами*. И тот же Гуаско перевел (задолго до их публикации по-русски) на французский язык «Сатиры» и сопроводил их «историей жизни» Кантемира**, став его первым биографом. Именно от Гуаско мы знаем, что Кантемир переводил «Персидские письма», но где он над ними работал — в Париже, что наиболее вероятно, или ранее в Лондоне, — завершил ли он эту работу и что с ней стало, неизвестно: рукопись перевода никому обнаружить не удалось***.

После Кантемира в переводах *Монтескье* на русский язык наступила пауза, затянувшаяся до конца 1760-х годов. При этом нельзя сказать, что отечественный читатель не имел доступа к его книгам. Из Европы в Россию небольшими партиями, но регулярно завозились их свежие издания. Так, академическая книжная лавка в Петербурге уже в 1749 г. получила от своего парижского контрагента Бриассона⁷ шесть экземпляров женевского издания «Духа законов»****. Цифра, конечно, незначительная, но это разовая поставка, а возобновлялись такие заказы регулярно. Например в 1761 г. университетская книжная лавка предлагала достаточно

* *Lettres familières du président de Montesquieu baron de la Brède aux divers amis d'Italie, publiées par l'abbé O. de Guasco, avec le sonnet du chevalier Adami.* [Florence], 1767.

** *Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français.* Londres, Jean Nourse, 1749 (2-е фр. издание — 1750; нем. издание, пер. с фр. — 1752; рус. издание — 1762).

*** Д. Н. Бантыш-Каменский писал: «Перевод Кантемира “Персидских писем” находится в рукописи». Но видел ли он эту рукопись? См.: Бантыш-Каменский, Д. Словарь достопамятных людей русской земли. — М., 1836. — Т. III. — С. 33.

**** Копанев, Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. — Л., 1988. — С. 74.

новые издания: амстердамский четырехтомник 1759 г., и два издания «Персидских писем» (Амстердам–1761 и Кельн–1757)*. Кроме того, сочинения Монтескье приобретались россиянами во время путешествий по Европе, напрямую заказывались у зарубежных книгопродавцев, выписывались через знакомых дипломатов. Так что читателей у него было немало. Княгиня Дашкова называла Монтескье одним из своих любимых писателей. Над его книгами в разное время размышляли историк Болтин, правовед Десницкий, писатель Радищев, критик и литератор Бестужев, декабрист Муравьев и другие.

Поклонницей Монтескье была и Екатерина II. Ее первое знакомство с ним состоялось в 15-летнем возрасте, когда она попыталась осилить, впрочем без энтузиазма, «Размышления о причинах величия и падения римлян». Через десять лет, в 1754 г. великая княгиня Екатерина Алексеевна «напала», по ее выражению, на «Дух законов»**, и на этот раз не осталась равнодушной. Когда в начале 1760-х гг. в ее руки попало сочинение Штрубе де Пирмонта “*Lettres russiennes*”, содержащее критику «системы» Монтескье и защиту крепостнического уклада России, она принялась опровергать эту критику, оставляя на полях замечания***, проникнутые, по мнению итальянского исследователя К. Россо, «антипатией и почти нервной яростью»⁸****. Позже императрица Екатерина II «обобрала президента Монтескье»: выписки из «Духа законов» легли в основу ее «Наказа»⁹.

Читая Монтескье в оригинале, императрица тем не менее задумывалась о необходимости сделать его сочинения доступными широкой российской публике. Среди ее автографов сохранился список книг, рекомендованных к переводу*****. В нем фигурировали несколько десятков названий и имен, сгруппированных тематически: сначала перечислялись словари, затем — произведения, которые можно условно назвать «художественными», далее — сочинения по экономическим и социально-политическим вопросам. Список «художественной литературы» включал Вольте-

* Там же. — С. 142–143.

** Там же. — С. 366.

*** Там же. — С. 672–686. См. также публикацию А. Пыпина («Вестник Европы», 1903, № 5, с. 272–300).

**** Rosso, C. *Mythe de l'égalité et rayonnement des Lumières*. — Pise, 1980. — P. 142.

***** РГАДА. — Ф. 10, оп. 1, № 427, — Л. 1–4.

ра, Корнеля, Мариво, Филдинга... Как ни удивительно, именно в этот ряд Екатерина поставила «Дух законов» и «Римлян». Таким образом, философские труды Монтескье оказались в одном ряду не со «Словарем» Бейля¹⁰, не с «Комментариями к английским законам» Блэкстона¹¹, а с художественными произведениями, хотя роман «Персидские письма» в екатерининском перечне отсутствует. Документ не датирован, однако легко предположить, что рекомендации были составлены около 1768 г. и адресовались «Собранию старающемуся о переводе иностранных книг», поскольку многие произведения, упомянутые в нем, впоследствии были переведены и изданы именно усилиями «Собрания».

«Собрание переводчиков» было учреждено в октябре 1768 г. и действовало до 1783 г. Его руководителями стали статс-секретарь императрицы Григорий Васильевич Козицкий, сам занимавшийся переводами, граф Андрей Петрович Шувалов, увлекавшийся стихосложением, и граф Владимир Григорьевич Орлов, директор Академии Наук. Ведущая роль принадлежала Козицкому: именно он оформлял заказы на переводы, определял размеры гонораров и осуществлял выплаты. В 1775 г. эти функции перешли к Сергею Герасимовичу Домашневу, сменившему Орлова на посту директора Академии.

Из средств Кабинета императрица ежегодно выделяла «Собранию» 5000 рублей. 400 руб. выплачивались цензору (эту должность отправлял И. И. Лепехин); 100 руб. в год, «иногда же и более, смотря по трудам», получал «надзиратель печатания» академик А. П. Протасов. Некоторая сумма расходовалась «на покупку оригиналов» и переплет, но основная часть денег тратилась на гонорары переводчикам. В 1779 г. Домашнев писал: «Переводчикам с листа платится не равно, смотря по сложности книг и искусства перевода по 10, по 8, а иногда по шести рублев; а в некоторых переводах вообще с книги или с тома»*. Бремя типографских расходов несла Академия Наук**.

---

* Из письма С. Г. Домашнева П. И. Пастухову от 8 марта 1779 г. (РГАДА, ф. 17, № 34. — Л. 9–10 об.).

** В ведомости от 15 марта 1779 г., Домашнев сообщал Пастухову, что за 10 лет Академическая типография израсходовала на «печатание переведенных из награждения книг» (т. е. продукции «Собрания») 34 986 рублей 65 с половиной копеек, выручив от их продажи всего лишь 17 601 рубль 55 с половиной копеек (РГАДА, ф. 17, № 34. — Л. 1а).

По мнению Домашнева поддержка «Собрания» свидетельствовала об «особливом всемилостивейшем попечении Ея Императорскаго Величества о разпространении российской литературы» и произвела «пользу чувствительную для государства, ибо сие обратило великое число учасчихся стараться о изучении своего языка и иностранных и приметно что ни в какой период времени столько книг не переведено, как с определения сих награждений» *. Действительно, только за период с 1768 по 1779 г. усилиями «Собрания» было издано 141 наименование книг**.

В первом перечне книг, утвержденных «Собранием» к переводу, фигурировали пять названий: «Кандид» Вольтера, «Храм Книдийский» Монтескье, «Сочинения» Беккария, «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» того же Монтескье и избранные статьи из «Энциклопедии»***. То, что из первых пяти книг, на которые пал выбор, две принадлежали Монтескье, на мой взгляд, может говорить о том, что «Собрание» придавало этому автору особое значение. Однако важно обратить внимание, что литературная безделица — «Храм Книдийский» — опередила все остальные труды Монтескье. Конечно, историческое эссе о римлянах — работа серьезная, но и она не являлась определяющей для творчества философа****. К тому же нельзя утверждать, что выбор руководителей «Собрания» пал на «Размышления» осознанно. Дело в том, что автор перевода Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816), законовед, оставивший свой след в истории отечественного Просвещения*****, но исполнявший при Академии скромную должность переводчика, взялся за эту книгу еще в августе 1767 г., и скорее всего по личной инициативе. Чтобы

---

* Там же. — Л. 1а об.

** Там же. — Л. 12–13 об. В ведомости от 15 марта 1779 г. иные данные — там перечислены 98 наименований книг, общий тираж которых составил 60827 экземпляров (Там же. — Л. 3–7).

*** Семенников, В. П. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768-1783. — СПб., 1913. — С. 8.

**** К. Вольпьяк-Оже отмечает, что это «не самый известный текст Монтескье, и уж точно он никогда не будет самым читаемым» (Volpilhac-Auger C. Editer les Romains // Editer Montesquieu. Pubblicare Montesquieu. — P. 19).

***** Поленов представил на конкурс Вольного экономического общества по вопросу крестьянской собственности (1766) сочинение «О крепостном состоянии крестьян в России», предлагавшее ограничить власть помещиков над крестьянами. Работа получила вторую премию; при жизни автора не публиковалась.

заниматься переводом в служебное время, он даже вынужден был испрашивать разрешение начальства. Резолюция Академической комиссии гласила: «По представлению переводчика Поленова сочинения славного Монтеские о причинах величества города Рима и его упадка перевести ему на российский язык позволить»*. Поэтому нельзя исключить того, что «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» попали в первый издательский план «Собрания» потому, что их перевод был уже фактически готов.

Цензорские функции в «Собрании» исполнял, как уже говорилось, Иван Иванович Лепехин, товарищ Поленова по Страсбургу, ставший затем академиком, но в 1768–1769 гг. еще занимавший должность адъюнкта. Возможно именно он счел, что одно из суждений Монтеские относительно византийского православия звучит непочтительно. Потребовалась санкция духовного ведомства, и граф В. Г. Орлов, обратился к члену Синода – архимандриту Платону (Левшину)**. Заметим, что цензуре при этом подлежала не рукопись перевода, а сам текст Монтеские: Платону был передан экземпляр французского издания «Римлян», над которым работал Поленов***. Прочитав книгу, архимандрит выделил в ней уже не один, а несколько фрагментов, которые он прокомментировал. Ответ Платона Орлову, датированный 9 сентября 1769 г., с некоторыми сокращениями звучал так:

«По приказанию Вашего Сиятельства принесена ко мне книга Академии наук переводчиком Паленовым и из оной книги показывано одно место, с тем, не нахожу ли я сомнения, чтоб ему так, как в подлиннике есть, быть напечатану. На сие Вашему Сиятельству изъясняюсь, что я по оной книге те [...] места, кои касаются закона [...] читал и некоторые строки нашел (они отмечены линейками), которые естли б в печатании пропустить, казалось бы сходствен-

---

* Кулябко, Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. — Л., 1977. — С. 142.

** Цензорские функции архимандрит Платон, ставший затем митрополитом Московским, осуществлял и после увольнения из Синода. С 1785 г. он «рассматривал» книги, печатавшиеся в вольных типографиях, а затем был назначен цензором всех переводных сочинений (См.: Кукушкина, Е. Д., Лихоткин, Г. А. Левшин Петр Георгиевич // Словарь русских писателей XVIII века. — СПб., 1999. Выпуск 2: «К–П». — С. 202).

*** Поленов работал не с первым изданием «Размышлений», опубликованным в 1734 г., а с редакцией 1748 г., в которую Монтеские внес много добавлений и исправлений.

нее с тою осторожностью, каковую благоразумие велит держать для предупреждения всяких толков. Из отмеченных мною мест некоторые кажутся неосновательны, другие для людей не вдаль просвещенных могут быть соблазнительны; иные выдуманы по известной папистов к Греческой церкви ненависти и всегда худому латынов к грекам расположению. Суть же подлинно и такие места, которые сходны с истиною, но естли их разглашать, могут огорчить или опечалить некоторых духи. [...] Некоторые в общество взошедшие злоупотребления судить и исправлять предоставить [следует] высшим правителям, не простирая сию власть для каждого. [...] Однако я не хочу столь смел быть, чтоб сие мое разсуждение почитать неоспоримым: я должен всегда желать пользоваться советами просвещенных, между коими особливо Ваше Сиятельство искренне почитаю [...].»^{*}

Платон критически относился к творчеству французских философов. Но он был просвещенным человеком, а потому не настаивал на цензурных изъятиях и ограничился призывом проявить при публикации «осторожность». В качестве такой меры предосторожности русскому изданию «Размышлений о причинах величества римского народа и его упадка» было предпослано предисловие переводчика. Возможно, руководству «Собрания» даже пришлось настаивать на этом, поскольку сам Поленов, человек самолюбивый и независимый в суждениях^{**}, расценил необходимость писать подобное предисловие как «неприятный труд», от которого он «охотно желал избавлен быть». В предисловии Поленов писал: «Весь ученый свет известен о заслугах славнаго Монтеския, о которых каждый здраваго разсуждения человек говорит с похвалою и почтением, однако превознося его добродетели, не должно обоготворять его погрешности, ниже, усмотря их, с неизством возставать против сего великаго мужа: напоминовение собственной нашей слабости должно воздержать нас от сего ненавистного порока»^{***}.

---

* Цит. по: Орлов-Давыдов, В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. — СПб., 1878. — Т. I. — С. 176–177.

** Берелович, В. Алексей Яковлевич Поленов в Страсбурге (1762–1766): рождение интеллектуала // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.). — М., 2003. — С. 51–70.

*** Размышления о причинах величества римскаго народа и его упадка. С французскаго переведенныя переводчиком Алексеем Поленовым. Цена 150 коп. СПб., при Императорской Академии наук, 1769, с. III–IV (без пагинации).

Заняв такую сдержанно-критическую позицию, Поленов пояснял: «В сем сочинении находятся многие места, которые для избежания дальнейшего заблуждения достойны особливаго внимания. Разсеянное между иноверцами ложное о Греко-Римской вере понятие, и не основательное познание церковных ее обрядов подали повод к худому мнению, которое мы в сей книге находим». Признавая, что «сии места содержат много непочтительного [...] о нашей церкви», переводчик извинял «учиненную сочинителем погрешность» «недостатком достоверных о России известий»*. В предисловии указывалось построчное расположение всех фрагментов текста, вызвавших сомнения Платона. Всего таких оказалось пять: один находился в гл. XX («О Юстиниановых завоеваниях»), остальные четыре – в гл. XXII («Изнеможение Восточной империи»).

В число сомнительных мест попала критика религиозной политики императора Юстиниана I и его попыток пресечь различия «в касающихся до веры мнениях», вылившихся в гонения на еретиков¹²). Скептически читателю следовало отнестись к осуждению французским философом царившего в Византии «суеверия» и «безумного боготворения образов», а также к большому фрагменту об иконоборчестве и пагубности вмешательства византийских церковников в государственные дела. Было выделено и замечание Монтестье об упадке веры в допетровской Московии. Поленов даже дал к этому фрагменту подстрочное примечание: «О сем писатель точного знания не имел». Еще одну ремарку переводчик добавил к выделенным Платоном словам о том, что истинное состояние христианина есть болезнь (Монтестье здесь цитировал Паскаля¹³). Переводчик пояснил читателю, что под болезнями подразумеваются «гонения, нещастия, беды, напасти и протч.». Но за исключением этих двух вставок текст Монтестье не претерпел других изменений, ни один фрагмент не был изъят, так что поленовский перевод «Размышлений о причинах величества римского народа и его упадка» в целом адекватен своему французскому оригиналу. Академическая типография напечатала его в 1769 г. полным «заводом» – 1200 экз.**

---

* Там же. — С. V (без пагинации).

** Судя по отчетной ведомости Домашнева, максимальный тираж книг, выпускавшихся «Собранием» составлял 1800 экз., минимальный 200 экз., но такие крайности были редки. Чаще всего книги печатались в половину или в четверть завода, по 600–300 экз.

За десять лет из них было распродано всего около 380. Остальные в 1779 г. еще лежали на складе Академической типографии*.

Сведения о том, что в России переводят Монтескье, попали в европейскую прессу. В марте 1769 г., еще до выхода «Римлян», газета «Journal de Bouillon»¹⁴ сообщала: «Здесь продолжают переводить на русский язык и печатать различные сочинения ученых французских авторов, в том числе Вольтера и Монтескье»**.

«Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» стали первым произведением Монтескье, изданным по-русски***. Но в том же 1769 г. таким же большим тиражом «Собрание» выпустило еще одну его книгу, хотя ее не было в издательском списке. В сборник под общим названием «Лисимах»**** вошли три небольшие работы Монтескье: сам «Лисимах» (1754) — идеализированный портрет Александра Македонского, посвященный бывшему королю Польши Станиславу Лещинскому; «Разговор Силлы с Евкратом» (1745) — «политический портрет» римского диктатора Суллы; и «Опыт о вкусе» — последняя работа Монтескье, написанная для VII тома «Энциклопедии» (1757). Вероятно эта подборка была переведена Башиловым, поскольку корректура сборника посылалась именно ему*****.

Выпускник Московского университета Семен Сергеевич Башилов (1741–1770) был учеником Шлёцера¹⁵ и его сотрудником по изданию «Никоновской летописи». Как и Поленов, он служил в Академии переводчиком и, несмотря на раннюю смерть от чахотки, помимо «Лисимаха» успел опубликовать довольно много, в том числе отдельные статьи «Энциклопедии» (1769 и 1770), вольтеровского

---

* РГАДА, ф. 17, № 34. — Л. 3. В этом не было ничего чрезвычайного: книжная продукция раскупалась медленно, хотя некоторые издания («Французский словарь», «Освобожденный Иерусалим» Тассо, «Гулливеровы путешествия» Свифта, трагедии Корнеля, записки «Юлия Кесаря о походах в Галлию», «Жизни первых XII кесарей» Светония и даже «Выписка о чревоушителях») к этому же времени разошлись без остатка.

** Journal politique (Journal de Bouillon). — 1769, mars. — P. 7–8.

*** Новый перевод «Размышлений» появился лишь в 1892 г.

**** Лисимах. Из сочинений г. Монтескиэ. Цена 15 коп. — СПб., тип. Академии наук, 1769.

***** Семенников, В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. — СПб., 1914. — С. 14.

«Кандида» (1769) и, возможно, перевод книги Руссо «Размышления о величестве Божиим, о его промысле и о человеке» (1770)*.

Цензурных вмешательств я в «Лисимахе» не обнаружила, поэтому скажу лишь, что раскупался башиловский сборник медленно, и, несмотря на малую цену (15 коп.), — спустя десять лет на складе Академической типографии оставалось примерно 720 экземпляров.

На следующий год, в 1770 г. «Собрание» напечатало в переводе Ивана Сичкарева «Храм Книдийский»**. Сегодня эта стилизация под греческую поэму (1725) забыта читателями и не вызывает интереса даже у специалистов. Однако в свое время этот опус имел успех в Европе и пользовался вниманием критиков. Даламбер превозносил его «пылкий и образный стиль», сравнивая Монтескье с Овидием¹⁶ и Анакреоном¹⁷***. Надо признать, российский читатель тоже не остался равнодушным: Академическая типография напечатала «Храм Книдийский» половинным тиражом, но раскупалась книга быстрее, чем предыдущие: из 600 экземпляров за 10 лет разошлись 400.

В том же 1770 г. «Барышек всякия всячины» напечатал «Слово господина президента де Монтескьеу за избрание его членом в Академию Французскую»****. Для полноты картины следует также упомянуть подборку избранных сентенций Монтескье в журнале «Пантеон иностранной словесности» за 1798 г. и неоднократные переиздания его «малых» произведений на рубеже веков: «Сила» в 1783 г., «Лисимах» в 1792 и 1800 г., «Опыт о вкусе» в 1803 и 1805 г., «Арсас и Исмения» в 1788 и 1810 г., «Книдийский храм» в 1804 г.

Все эти публикации знакомили русского читателя с разными сторонами творчества Монтескье, но среди них долго не хватало его главной книги — «Духа законов». «Собрание переводчиков», разумеется, не могло пройти мимо этого произведения, тем более, что его издания желала и сама императрица. Лишь в 1775 г. появился первый том трактата, который в переводе Крамаренкова стал называться «О разуме законов».

* См.: Геннадии, Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых. Т. 1/2. — Берлин, 1876. — С. 73.

** Храм Книдийский, в 7 песнях, соч. Монтескьеу, оставшийся отрывок брачной песни императору Галлиену. С французскаго перевел И. С. Цена 12 коп. — СПб., 1770.

*** D'Alembert, J. Eloge de M. président de Montesquieu // Montesquieu Ch.-L. De l'esprit des lois. Т. I. — Paris, 1799. — P. 89.

**** Барышек всякия всячины. — СПб., 1770. — С. 475.

Выпускник Академического университета*, Василий Крамаренков (1732 – после 1796), как и Поленов с Башиловым, служил переводчиком при Академии, публиковал фрагменты «Метаморфоз» Овидия и сочинения Саллюстия¹⁸. Затем он перевелся в Сенат, трудился в Уложенной комиссии¹⁹ и кончил свою карьеру иркутским вице-губернатором**. При переводе «Духа законов», Крамаренков пользовался одним из изданий, вышедших после 1757 г.^{***} По установившейся к тому времени традиции тексту трактата непременно предшествовало «Похвальное слово» Даламбера и его «Анализ Духа законов». По каким-то причинам переводчик отказался от «Похвального слова», а «Анализ» (он назван «Разрешение разума законов, сочиненное господином Даламбертом, служащее к продолжению похвалы господину Монтескию») был помещен не в начале книги, а после «Предуведомления сочинителя» и «Предисловия его же», то есть он фактически разрывал текст Монтескье.

В том вошли первые двенадцать книг трактата. Судя по «Росписи книгам, напечатанным, отданным в печать, переведенным и назначенным к переводу», Крамаренков брал для дальнейшей работы «вторую и следующие части» «Духа законов»****, однако продолжение так не увидело свет. Мне неизвестно, по каким причинам издание не было завершено, но полагаю, что цензурные ограничения здесь роли не играли. Во всяком случае в 1801 г. крамаренковский перевод выдержал «второе тиснение» и в него вновь вошли те же 12 книг трактата, при том что полный текст включает в себя 31 книгу.

Тираж «первого тиснения» «Разума законов» был вдвое меньше тиражей «Размышлений о причинах величества римского народа и его упадка» и «Лисимаха» — всего 600 экз. А стоимость томика

---

* Кулябко, Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. — С. 114–118.

** Степанов, В. П. Крамаренков Василий Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. — СПб., 1999. — Выпуск 2: «К–П». — С. 96.

*** В 1757 г. адвокат Ф. Рише и сын Монтескье, Ж.-Б. Секонда напечатали в Лондоне так называемое «посмертное» издание «Духа законов» — исправленное и дополненное. Эта редакция стала основой всех последующих публикаций трактата.

**** РГАДА, ф. 17, № 34. — Л. 14 об.

была высока — полтора рубля. Тем не менее за первые четыре года (к 1779 г.) удалось продать больше половины тиража — 380 книг*.

«Персидские письма» ждали своего часа еще дольше, чем «Дух законов», и хотя в «Росписи» Домашнева, весной 1779 г., они были обозначены как «отданные в перевод»**, «Собрание переводчиков» их так и не опубликовало. Впервые отрывок из романа — история троглодитов (письма XI–XIII) под заглавием «Повесть о народе несчастном от злодеяния и счастливом от добродетели» — появился в 1779 г. в сборнике «Детское чтение»***. Затем историю троглодитов переадресовали взрослому читателю: в 1780 г. ее перепечатал журнал Н. И. Новикова²⁰ «Утренний свет»****, а в 1782 г. журнал П. А. Плавильщикова²¹ «Утра»*****. Однако полную версию романа русский читатель получил лишь в 1789 г. — ее опубликовал Федор Тимофеевич Поспелов (1759–1824), впоследствии прославившийся как переводчик Тацита²² и избранный в Академию наук, но в конце 1780-х годов еще занимавший скромный пост секретаря Заемного банка. Через три года появился еще один перевод*****. Его выпустил Ефим Васильевич Рознотовский (1737–1792), занявшийся литературными упражнениями после выхода в отставку из Комиссии о коммерции. О следах цензуры, точнее самоцензуры переводчиков в «Персидских письмах», я уже писала довольно подробно, поэтому не буду сейчас на этом останавливаться просто отошлю всех, кого это может заинтересовать, к статье в четвертом выпуске «Века Просвещения»*****.

* Там же — Л. 3.

** Там же — Л. 15.

*** Детское чтение, или Отборныя небольшія повести, удобныя увеселить детей и наставить их любить добродетель. Переведены с французскаго языка Лейбгвардии Преображенскаго полку подпрапорщиком Капитоном Бачарниковым. — СПб., 1779.

**** «Утренний свет», ч. VIII.

***** «Утра», 1782, май, лист III; июнь, лист II.

***** Письма персидские. Творение г. Монтескье. С французскаго языка перевел коллежский советник Ефим Рознотовский, в 2-х частях. СПб., изданием И. К. Шнора, 1792.

***** Плавинская, Н. Ю. «Персидские письма» Монтескье в русских переводах XVIII века: к вопросу о цензуре // Век Просвещения. Вып. 2, книга 1. — М.: Наука, 2008. — С. 437–453.

Переводы «Духа законов»: как превратить москвитя в лапландца

В целом с 1769 по 1810 г. переводы различных сочинений Монтестье издавались в России не менее двадцати раз. Двенадцать из них выходили отдельными книгами. Казалось бы, не так мало. Но бросается в глаза, что среди этих публикаций не было ни одного полного перевода главного труда философа — «Духа законов». Конечно, такие попытки предпринимались. По сведениям Н. И. Новикова, удачный, но оставшийся неопубликованным перевод сделал в свое время Александр Петрович Мятлев (1749–1771)²³*. В коллекции «Эрмитажного собрания рукописей» РНБ, сохранился перевод первых девяти книг трактата, выполненный Иваном Павловым, «лейбгвардии Измайловского полку полковым квартирмейстером»²⁴** . Наверное были и другие любительские переводы, но факт остается фактом: в течение XVIII в. «Дух законов» полностью по-русски не издавался ни разу, поскольку перевод Крамаренкова остался незаконченным. Первый относительно полный перевод трактата, подписанный Дмитрием Языковым, увидел свет лишь в 1809–1814 гг.^{***}

Дмитрий Иванович Языков (1773–1845) работал в Министерстве народного просвещения, где дослужился до директора департамента. Кроме того, он являлся неперемнным секретарем Российской академии, а в 1830 г. стал ординарным академиком. За «Дух законов» он взялся в 1802 г., когда «Вольное общество любителей словесности»²⁵ назначило переводить «бессмертного Монтестье», определив для этой работы комитет в составе Языкова, А. Г. Волкова, И. М. Борна и В. В. Попугаева. Работа над переводом начиналась коллективно, но поскольку завершал ее Языков в одиночестве, его имя и было вынесено на обложку. Четырехтомник под заголовком «О существе законов», напечатанный в 1809–1814 гг., включал в себя уже не 12, а 29 книг трактата, однако два последних раздела — «Теория феодальных законов франков» (кн. XXX) и «Теория фе-

* Новиков, Н. И. Опыт исторического словаря // Материалы для истории русской литературы. — СПб., 1867. — С. 73.

** РНБ, отдел рукописей, «Эрмитажное собрание». — № 42, 199 л.

*** О существе законов, творение г. Монтестье. Перевел с французскаго Дмитрий Языков, член С. Петербургских обществ: филантропического и любителей наук, словесности и художеств. Издал Василий Сопиков. Т. 1 — М., 1809; т. 2, 3 — М., 1810; т. 4 — СПб., 1814.

одального права франков» (кн. XXXI) — в публикацию не вошли. На мой взгляд, никаких цензурных оснований для этого у переводчика не было. Возможно, последние книги трактата должны были составить еще один — пятый — том, но в силу неизвестных нам обстоятельств он не был напечатан. И только в 1839 г. русский читатель наконец получил полный текст «Духа законов» в переводе Евгения Васильевича Корнеева*, сенатора, генерал-лейтенанта ушедшего в отставку с поста директора Горного кадетского корпуса.

Сравнение трех переводов — «О разуме законов» Крамаренкова (1775), «О существе законов» Языкова (1809–1814) и «Дух законов» Корнеева (1839) — дает довольно интересный материал. Мне неизвестно, подвергались ли эти переводы цензурной проверке, как это случилось с «Размышлениями о причинах величества римского народа и его упадка» Поленова. Однако в них обнаруживается большое количество существенных купюр и корректировок авторского текста, о которых следует поговорить.

Первое, что бросается в глаза: все три переводчика испытывали трудности всякий раз, когда дело доходило до фрагментов, посвященных России — стране деспотической по классификации Монтескье. Для преодоления этих трудностей переводчики использовали три стратегии: 1) упразднение частей текста; 2) их модификация, редактирование; 3) или их опровержение в подстрочном комментарии. У каждого имелись свои предпочтения. Крамаренков чаще подправлял текст Монтескье, смягчая его резкие суждения о России таким образом, чтобы они звучали не так обидно для соотечественников. Языков предпочитал купюры и попросту выбрасывал эти суждения из своего перевода. Корнеев, в свою очередь, систематически опровергал их в примечаниях.

Но когда переводчики сталкивались с наиболее жесткими оценками Монтескье, все действовали сходным образом, прибегая к купюрам. Так из всех переводов исчезла 26-я глава XII-ой книги «О том, что монарх должен быть доступным». Она представляла собой цитату из сочинения Джона Перри «Нынешнее состояние Велико-России»^{26**}: «Царь Петр [...] издал новый указ, по которому подавать

---

* Дух законов. Творение знаменитого французскаго писателя де Монтескю. Перевод Е. Карнеева. Ч. 1–3. СПб., [тип. Н. Греча], 1939. 3 т.

** Perry, J. *État présent de la Grande-Russie, contenant une relation de ce que S. M. czarienne a fait de plus remarquable dans ses États, et une description de la religion, des mœurs, etc, traduit de l'anglais [par Hugony], La Haye, H. Dusauzet, 1717.*

жалобы разрешается лишь после того, как уже будут поданы две жалобы его чиновникам. Тогда, в случае отказа в правосудии можно подать ему третью; но тот, чья жалоба окажется несправедливой, подвергается смертной казни [...]»*. Чтобы изъять из текста эти несколько строчек, переводчикам пришлось перенумеровать все последующие главы, поэтому во всех изданиях XII-я книга трактата состоит не из 30, а из 29 глав.

Из всех трех переводов исчез фрагмент о расправе императрицы Анны Иоанновны с князьями Долгорукими, обвиненными в оскорблении величества (XII, 12)²⁷. Из переводов Языкова и Корнеева (перевод Крамаренкова не доведен до этих глав), вырезаны рассуждения о том, что москвиты «легко продают себя», «потому, что их свобода ничего не стоит» (XV, 6); изъят фрагмент о том, что «знать Московского государства была обращена в рабство одним из своих государей» (XVII, 3); и фрагмент в котором говорится, что «Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма, но не может» (XXII, 14).

Так же переводчики поступили и с гл. 2 книги XI, в которой Монтескье рассуждал о различных значениях слова «свобода». Однако Корнеев не ограничился тем, что изъясил слова о том, что «некий народ долгое время принимал за свободу обычай носить длинную бороду», но и сопроводил размышления Монтескье следующей ремаркой: «Автору, вероятно, и в голову бы не пришло, как соотечественники его перетолковали свободу во время бывшей во Франции революции. [...] Имя свободы конечно приятно нашему слуху [...]. Но молодые особенно люди часто не понимают его. Скажу прямо: нам, русским дворянам, чего еще хотеть? Неужели мы не совершенно свободны? За всем тем, многим еще чего-то более хочется. Англومانя свое твердят, офранцузившиеся полубояре толкуют сами не зная о чем; либералы требуют чистой вольницы; но что бы было, если бы мечтания их сбылись? Сохрани нас Бог от подобных толков свободы»**. Заметим, как отличается тон этой ремарки от тона введения Поленова. Мне кажется, что столь личная интонация свидетельствует о том, что примечание писалось

---

* Здесь и далее фрагменты, отсутствующие в переводах Крамаренкова и Языкова цитируются по изданию: Монтескье, Ш. Л. О духе законов. — М., 1999.

** Дух законов <...>. Перевод Е. Карнеева. — Т. 1. — С. 267.

не по указанию цензурного учреждения, а было движением души самого переводчика.

Самый большой и важный фрагмент — пять абзацев, — в котором давалась общая характеристика петровских преобразований (XIX, 14), Языков изъясил целиком, хотя вывод Монтескье был в целом оптимистичен: он сводился к тому, что петровские реформы сообщили европейскому народу европейские же нравы и обычаи и приобщили россиян к цивилизации. Корнеев этот фрагмент сократил: из 5 абзацев текста у него получилось 3 абзаца. Кроме того, он его отредактировал, существенно смягчив формулировки, поэтому «порождение тирании» у него заменено выражением «сильное средство», а слова Монтескье о том, что Петр считал свой народ скотом, вовсе исчезли из текста. Наконец, он прокомментировал все это в следующем примечании: «Не только автор, но и многие другие иностранные писатели критиковали поступки Петра Великого, потому более, что не знали характера подвластного ему народа [...]. Ему необходимо было спешить и принимать сильные меры [...], чтобы, во-первых, переломить закоснелое невежество народа [...]; во-вторых, чтобы противустать Карлу XII, и в-третьих, совершить в течение жизни своей все свои планы», чтобы после него государство не подверглось «новому расстройству».

Вторую стратегию — модификацию сохраняемого текста — наглядно иллюстрирует фрагмент, в котором Монтескье утверждал, что в Московии воров и убийц наказывают одинаково жестоко, поэтому грабежи там всегда сопровождаются убийствами (VI, 16). У Языкова он выпущен, но Крамаренков и Корнеев его сохранили, убрав при этом упоминание о Московии. Так у Крамаренкова читаем: «Где равная казнь грабителям и смертоубийцам положена, там ежедневно производятся смертоубийства [...]». У Корнеева соответственно: «Где одинаково наказываются и воры и убийцы, там убийства не прекращаются [...]». Таким образом у обоих говорится о неназванных, неопределенных землях, без всякой связи с Россией.

Рассуждения о стремлении российского правительства освободиться от деспотизма (V, 14) Монтескье завершал фразой, которая в современном переводе звучит так: «Есть особые причины, которые, может быть, снова ввергнут [российское правительство] в то бедствие, которого оно старается избежать». Этот пессимистический вывод побудил Языкова выбросить из своего перевода целиком весь абзац, но Крамаренков и Корнеев сумели придать ему иную окраску, а вместе с тем и смысл. Крамаренков, использовавший

для перевода слова “*désotisme*” выражение «иго самовластия» превратил опасения автора о возможном провале реформаторских усилий российских властей в его пожелание избежать этого провала. У него слова Монтескье звучали так: «Но беречься ему должно, чтобы опять не подвергнуться в то несчастье, которого оно избегает». Корнеев, не побоявшийся слова «деспотизм», которое к тому времени уже утвердилось в русской политической лексике, выкинул из текста только последнюю фразу, сопроводив абзац своим примечанием: «Автор говорит здесь о временах Петра Великого, [...] не зная нашей истории. Россия и прежде Петра I не была прямо деспотическим государством; ибо издревле имела законы, в которых упоминается, что государь указал, а бояре приговорили: следовательно правление должно было быть монархическим [...]»*.

Наконец, яркий пример манипуляции текстом встречается в гл. 2 XIV-й книги «Духа законов». Рассуждая о различиях людей, живущих в разных климатах, Монтескье доказывал, что обитатели севера в силу суровости окружающей их природной среды более грубы по натуре, чем южане, а потому менее восприимчивы к наслаждению и к ощущению боли. «Чтобы пробудить в москвитине чувствительность, надо содрать с него кожу», — утверждал Монтескье. Корнеев эту фразу из текста изъясил, но Языкова, видимо, она чем-то зацепила. Во всяком случае он не захотел просто сделать купюру в этом месте, как неоднократно делал в других местах. Однако и сохранять в неизменном виде столь прямолинейное обвинение россиян в физической и нравственной заурядности он также не пожелал. Поэтому «москвитин» превратился в «лапландца»: представитель этого народа в глазах переводчика был настолько же типичным обитателем севера, насколько «северянами» были россияне в глазах французов. В результате, фраза Монтескье у Языкова звучала так: «Лапландца надобно душиить, чтобы заставить его чувствовать». Замечу, что это не единственное превращение москвитина в лапландца: герой сказки мадам д’Онуа «Остров блаженства»²⁸, русский принц, также был превращен русским переводчиком в принца лапландского.

Как мы видим, всякий раз, когда «Московия» упоминалась в негативном ключе, русские переводчики вторгались в текст Монтескье и либо изменяли его, либо изымали сомнительный фрагмент, либо давали опровержение. Их вмешательство не претерпели только те

---

* Дух законов <...>. Перевод Е. Карнеева. — Т. 1. — С. 108–109.

страницы трактата, где Московия вписывалась в положительный или нейтральный контекст. Так, все переводчики сохранили лестные для своего отечества слова Монтескье о том, какую глубокую ошибку совершил Карл XII, развязав войну с Россией: «Не государство, приближающееся к падению, вздумал он ниспровергнуть, но возрождающуюся державу...» (X, 13, Языков). Кроме того, у Языкова и Корнеева сохранились фрагменты о «благоразумном» (так у обоих) — в оценке Монтескье — законе Петра I, касающемся сбора податей деньгами (XIII, 6) и о «благоразумном» же законе Елизаветы Петровны, исключавшем из числа потенциальных наследников русского престола лиц, уже «владеющих другим государством» (XXVI, 23).

Лишь в одном случае бдительность переводчикам изменила. В гл. 17 книги VII Монтескье рассуждал о достоинствах женского правления, полагая, что мягкость женского характера придает власти необходимую политическую умеренность. Подкрепляя свою мысль примерами Московии и Англии, он писал: «женщины с одинаковым успехом управляют в государствах умеренного образа правления и в деспотических государствах». Фраза выстроена так, что читатель в принципе может допустить, что выражение «умеренный образ правления» относится к России, а выражение «деспотическое правление» — к Англии, но для этого надо быть весьма наивным читателем. Однако видимо именно так прочитали или захотели прочитать данный фрагмент наши переводчики и именно это добровольное заблуждение и спасло этот текст от изъятия во всех переводах.

Если оставить российскую тематику, то можно заметить, что «Дух законов» иногда расставлял для переводчиков и смысловые западни. При этом все трое — и Крамаренков, и Языков, и Корнеев — были искусны в переводческом ремесле, так что случаи явного отхода от текста редки и связаны не с недостатком знания языка, а с минутной невнимательностью. Настоящие трудности лежали не в сфере языка, а в сфере исторического материала, которым оперировал Монтескье. Но, повторюсь, такие случаи редки и встречаются чаще всего у Крамаренкова, который первым «распахивал это поле» и не имел возможности опираться на другие переводы в трудных случаях.

Примером может послужить фрагмент, в котором Монтескье говорил о государственном поощрении доноительства как мере самосохранения деспотических государств (IX, 6). Он в частности

утверждал: в республиках Италии, где отсутствует разделение властей, правительство нуждается в свирепых мерах, таких как государственные инквизиторы или ящик, куда всякий доносчик может в любое время бросить обвинительную записку. Для его обозначения Монтескье использовал выражение *tronc de délateur*. Оно вызвало у Крамаренкова затруднение — по всей видимости он не знал, что так может обозначаться и столб для афиш, и *bocca della verità*, и ящик, куда римские сикофанты²⁹ опускали свои доносы. Поэтому он перевел выражение по первому значению слова: «столб, к которому всякий доноситель может во всякое время прибить на письме извет свой».

Еще более любопытна история с сапогом Карла XII. В гл. 14 книги V Монтескье пересказал исторический анекдот о том, что шведский король, во время одного из военных походов, узнав о «некотором сопротивлении своим повелениям в шведском сенате», пригрозил слушникам, что пошлет командовать ими свой сапог (в оригинале — «*écrivit qu'il leur enverrait une de ses bottes pour commander*»). Этот эпизод был широко известен в Европе с начала 1730-х гг., в частности благодаря вольтеровской *Истории Карла XII* (кн. VII). Но судя по всему, Крамаренков о нем не знал и описанная ситуация привела его в замешательство: она входила в противоречие с представлениями о сакральности монархической власти. Поэтому Крамаренков полностью «вывернул» ситуацию, заменив неприемлемое для него, но очень важное в данном контексте слово «сапог» неожиданным словом «посланник». Получилось весьма гладко: «Карл XII, будучи в Бендерах и находя некоторое сопротивление своим повелениям в Шведском сенате, писал к оному, что он отправит к ним одного из своих посланников на правление. Сей посланник управлял бы ими так, как и самовластный Государь». Почему и как «сапог» превратился в «посланника»? Скорее всего Крамаренков воспользовался фонетической близостью французского слова «*botte*» (сапог) и немецкого слова «*Bote*» (посланец, посланник)*. Но видимо это была сознательная подмена смысла — переводчик не мог не знать значения слова «*botte*» (так же и по-немецки: *Botte*), и не мог случайно перепутать его с «*Bote*». Кстати сказать, у Языкова и Корнеева «сапог» появился вновь, но это более поздние переводы: к тому времени *История Карла XII* уже была напечатана по-русски (1803–1804); изменился и общий

---

* Я благодарю Д. А. Сдвижкова, подсказавшего мне эту гипотезу.

политический контекст — Французская революция уже нанесла удар по представлениям о сакральности власти.

«Дух законов» и эволюция политической лексики

Скажу еще несколько слов о лексических особенностях переводов «Духа законов». Издания, о которых я вела речь, отстоят друг от друга примерно на три десятилетия, и их сравнение позволяет проследить эволюцию политической лексики, отражающую, в свою очередь, эволюцию политического дискурса в России. Перевод Крамаренкова говорил с читателем языком, который уже к концу столетия выглядел архаическим. Некоторые слова, в частности те, которые Крамаренков использовал для передачи таких терминов и словосочетаний как «*puissance législative*», «*législateur*», «*liberté politique*» — «законоположительная власть», «законодавец», «политическая вольность» — на рубеже веков были вытеснены новыми формами, которые оказались устойчивыми и сохранились в нашей речи (в том числе и в политическом словаре) до сегодняшнего дня («законодательная власть», «законодатель», «политическая свобода» и др.). Разумеется, ряд терминов — к примеру, таких как «самовластие» (*despotisme*), «вельможное правление» (*aristocratie* и *démocratie*), «стряпчий» (*député*) — был вытеснен заимствованиями именно из французского языка («деспотизм», «аристократия», «демократия» «депутат»). Мне думается, определенную роль в этом процессе сыграли и переводы сочинений Монтескье, знакомившие русского читателя с явлениями и процессами, описываемыми этими словами.

Модернизация языка, произошедшая на рубеже столетий, и в немалой степени обусловленная усилившимся во второй половине XVIII в. притоком в Россию переводной зарубежной литературы, значительно облегчила задачу Языкову. Его лексика видится нам гораздо более современной, нежели лексика Крамаренкова. В большинстве случаев для обозначения политической свободы, деспотизма, монархии, демократии и проч. Языков употреблял те же слова, которые мы используем и сегодня. Однако некоторые рудименты старого языка у него еще встречались. Так слово «*tribunal*» он переводил как «судилище», «*accuzateur*» — как «доноситель», «*anarchie*» — как «безначалие», «*député*» — как «поверенный». В некоторых случаях он по-прежнему прибегал к слову «самовластный», хотя параллельно пользовался и определением «деспотический».

Корнеев сделал следующий шаг вперед. Он использовал большинство терминов, предложенных Языковым («законодатель», «деспотизм», «политическая свобода» и др.), и произвел модернизацию ряда иных терминов, например ввел в свой перевод слово «депутат». Тем не менее, в его тексте также встречается некоторое количество архаизмов («судилище», «безначалие» и др.), которые были преодолены только в переводах «Духа законов», появившихся на рубеже XIX–XX вв.

Пожалуй, наиболее наглядно развитие политической лексики прослеживается при сравнении переводов знаменитой главы “De la constitution d’Angleterre” (гл. 6 книги XI «Духа законов»), насыщенной специфической терминологией. Этапы модернизации просматриваются уже на уровне заголовка. Если Крамаренков использовал усложненную конструкцию, звучащую с точки зрения сегодняшнего дня абсолютно архаично — «Об установлении находящемся в Англии», то Языков спустя четверть века выбрал формулу, приближающуюся к современной — «Об Англинской конституции», а Корнеев предложил вариант, который используется в современных переводах — «Об Английской конституции».

Материал главы «Об Английской конституции» позволяет выделить несколько лексических групп. К первой группе можно отнести термины, модернизация которых пришлась на рубеж веков и сразу же закрепилась. К таким терминам относятся, например “puissance legislative” (Крамаренков — власть законоположительная; Языков — власть законодательная; Корнеев — власть законодательная), “législateur” (Крамаренков — законодавец; Языков — законодатель; Корнеев — законодатель), “liberté politique” (Крамаренков — политическая вольность; Языков — политическая свобода; Корнеев — политическая свобода), “despotisme” (Крамаренков — самовластие; Языков — деспотизм; Корнеев — деспотизм), “aristocratie” (Крамаренков — вельможное правление; Языков — аристократия; Корнеев — аристократия), “démocratie” (Крамаренков — вельможное правление; Языков — демократия; Корнеев — демократия).

Во второй группе терминов модернизация лексики происходила пошагово — от архаической формы к более современной через промежуточную форму. Сюда можно отнести такие термины как “prince despotique” (Крамаренков — самовластный государь; Языков — самовластный владыка, деспотической государь; Корнеев — деспотический государь), “député” (Крамаренков — отпра-

ленный стряпчий; Языков — поверенный; Корнеев — депутат), “le corps représentant” (Крамаренков — избранные предстатели; Языков — сословие поверенных; Корнеев — избранные депутаты), “représentant” (Крамаренков — предстатель, поверенный; Языков — поверенный; Корнеев — депутат), “nobles, corps des nobles” (Крамаренков — благородные, сообщество благородных; Языков — дворянство, сословие благородных; Корнеев — дворяне, сословие знатнейших людей).

Третья группа включает в себя термины, которые вовсе не подверглись модернизации, такие как “tribunal” (Крамаренков — судилище; Языков — судилище; Корнеев — судилище), а также слова, модернизация которых в интересующих нас переводах не привела к появлению современной нам формы, например “anarchie” (Крамаренков — безправление; Языков — безначалие; Корнеев — безначалие), “sénat permanent” (Крамаренков — неподвижный сенат; Языков — непременный сенат; Корнеев — непременный сенат), “corps permanents” (Крамаренков — неподвижное судебное правительство; Языков — непременные сословия; Корнеев — постоянное сословие), “corps de magistrature” (Крамаренков — правительство; Языков — сословие правительства; Корнеев — правительственное сословие).

Следует также обратить внимание на архаическую формулу перевода выражения “droit des gens”. Оно восходило к латинскому “jus gentium”, и Монтескье, получивший фундаментальное юридическое образование, всегда использовал его только в значении «международное право». Во всех словарях Французской Академии “droit des gens” выделялась как специфическая ветвь права, наряду с “droit civil”, “droit canon” или “droit de nature”. Все три переводчика «Духа законов» видимо не были знакомы с этим термином, поэтому предложили дословный перевод — «народное право».

***

Подводя итог, скажу, что знакомство русского читателя второй половины XVIII – начала XIX в. с творчеством Монтескье было широким, но его переводы стали печататься по-русски значительно позже, чем переводы на другие европейские языки. Особенно долго оставались неизданными труды, занимающие в его литературном и философском творчестве центральное место — внимание отечественных переводчиков оказалось в значительной мере сосредоточенным на сочинениях «второго плана» и на «литературных безделицах».

Судьба текста — в руках переводчика. Алексей Поленов дал российскому читателю аутентичный перевод «Размышлений о причинах величия римлян и их упадка» и в то же время обратил внимание на то, что ряд положений Монтескье вызывает осторожность православных иерархов. Поспелов и Рознотовский деликатно вмешивались в текст «Персидских писем», не подвергая роман существенным сокращениям и переделкам и приложили усилия к тому, чтобы текст, проникнутый «восточной спецификой» и насыщенный сложной лексикой, стал доступным для массового читателя. Крамаренков, Языков и Корнеев, напротив, активно манипулировали текстом «Духа законов», ретушируя образ Московии, созданный французским просветителем. Все фрагменты трактата, которые касались российской тематики и содержали малейший намек на критику российских порядков, переводчики подвергли своей цензуре. Они были либо изъяты из текста трактата, либо деформированы до неузнаваемости. Монтескье изображал Московию деспотическим государством, однако благодаря манипуляциям переводчиков читатель (если только он незнакомился с текстом трактата по-французски) видел в ней монархию, основанную на законах. Это свидетельствовало о том, что просветительская критика российских порядков воспринималась русским обществом конца XVIII – начала XIX в. крайне болезненно.

Н. Ю. Плавинская**«Трудности перевода»: Монтескье в русских изданиях XVIII – начала XIX в.**

Печатается по: Н. Плавинская: «Трудности перевода». Монтескье в русских изданиях XVIII – начала XIX в. // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. – DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 22 (2015). — URL: https://prae.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/plavinskaya_translation

¹ *Индекс запрещенных книг* (Index Librorum Prohibitorum) — официальный перечень книг, признанных Римско-католической церковью как еретические или безнравственные и, следовательно, запрещенных к чтению и распространению под угрозой отлучения. Первый каталог запрещенных книг был опубликован в 1559 г. по инициативе папы Павла IV прежде всего в целях противодействия распространению протестантизма. Для периодического обновления списка была учреждена Священная конгрегация «Индекса», а после ее упразднения в 1919 г. ее функции взяла на себя Священная Палата (ныне именуемая Священной конгрегацией по делам вероучения). В 1948 г. вышло последнее официальное издание «Индекса» (тридцать второе), куда вошло ок. 5000 наименований. Решением Второго Ватиканского собора в 1966 г. сборник был запрещен к переизданию.

² *Антонио Дзатта* (1757–1797) — итальянский картограф, типограф и издатель второй половины XVIII в. Дзатта базировался в Венеции, где совместно со своими сыновьями держал известный издательский дом. Им было издано множество картографических материалов, музыкальных сочинений, а также произведений литературы.

³ *Доменико Террес* (Domenico Terres) — итальянский книготорговец и издатель второй половины XVIII в., базировался в Неаполе.

⁴ *Антонио Дженовези* (Antonio Genovesi) (1713–1769) — итальянский писатель, философ и экономист, одна из ключевых фигур итальянского Просвещения. Был учеником Дж. Вико. С 1754 г. возглавлял первую в Европе кафедру политической экономии, созданную для него в Неаполитанском университете. В 1765 г. был опубликован его основной труд «Лекции о торговле, или О гражданской экономике». Тогда же, в 1760-е гг., работал над составлением критических комментариев к новому итальянскому переводу «Духа законов», который был опубликован посмертно в 1777 г. В комментариях, так же как и в собственных сочинениях Дженовези, где встречаются многочисленные отсылки к «Духу законов», автор подвергает сомнению ряд принципиальных положений теории Монтескье. Напр., критикует предложенную им трехчастную классификацию форм правления (монархия, республика, деспотия), которая, по мнению Дженовези, опровергается самой исторической реальностью. Также ставит под сомнение исключительную значимость «естественных причин», лежащих в основе исторического движения, выдвигая идею о ключевой роли личной инициативы индивида.

⁵ *Антиох Дмитриевич Кантемир* — см. прим. к статье М. П. Баскина.

⁶ *Аббат Октавиан Гуаско* (1712–1781 (в тексте статьи ошибочно указан 1787 г.)) — итальянский ученый-эрудит, аббат. По приезде в Париж в 1738 г. завязывает знакомство с известными литераторами, в т. ч. Монтескье и Кантемиром. Поводом к сближению с Кантемиром, только что заступившим в должность русского посла в Париже, послужил личный интерес Гуаско, ходатайствовавшего о получении рекомендательных писем для своих братьев, Джована Франческо Антонио и Пьера Алессандро, с целью их определения на службу в русскую армию.

⁷ *Антуан-Клод Бриассон* (1700–1775) — французский издатель и книгопродавец, одна из наиболее крупных фигур в области книготорговли своего времени. С 1724 г. он держал в Париже на улице Сен-Жак собственную книжную лавку «À la Science», в названии которой отражено основное направление деятельности Бриассона — распространение ученой, а также светской литературы, в том числе за пределами Парижа и Франции. Ведет торговлю с европейскими странами через посредничество сети академий наук. В т.ч. начиная с 1737 г. играет роль посредника между французской и русской академиями. Даже когда в связи с реорганизацией Петербургской Академии наук отношения были прерваны с 1742 по 1747 гг., Бриассон оставался поставщиком русского посольства в Париже, выполняя поручения Генриха Гросса, полномочного министра России во Франции после смерти посла Антиоха Кантемира. В 1747 г. он подписывает с Гроссом контракт, дающий право на монопольную торговлю с Россией: в Париже продает русские академические издания, а в Россию отправляет французские книги. В частности, именно благодаря Бриассону в России получила распространение «Энциклопедия» Дидро и Даламбера, а также сочинения Монтескье.

⁸ «*Lettres russiennes*» — см. подробный разбор в статье А.Н. Пыпина.

⁹ «*Наказ*» — см. **примеч.** к статье А.Н. Пыпина.

¹⁰ *Пьер Бейль* (1647–1706) — французский философ-скептик. Автор «Философского комментария» (1686), а также знаменитого «Исторического и критического словаря» (1696) (*Dictionnaire historique et critique*; первоначально в 2 т., Роттердам, 1696; новейшее изд.: в 16 т., — Париж, 1820), оказавших исключительное влияние на формирование просветительской идеологии. В частности, Просвещение унаследовало от Бейля принципиальную идею религиозной терпимости и идею относительности, сомнения в абсолютной справедливости того или иного явления. Бейль твердо стоял на том, что неопределившееся, блуждающее сознание предпочтительнее насильно принятой веры. По мысли Бейля, обратить человека в веру силой невозможно и не нужно, поскольку добродетель, нравственность, благородство поступка независимы от религиозных убеждений. Является также инициатором создания в 1684 г. первого в Европе литературного, научного и философского журнала «*Nouvelles de la République des Lettres*». «Исторический и критический словарь» Был впервые переведен на русский язык лишь в 1968 г.

¹¹ Уильям Блэкстон (1723–1780) — английский правовед и политик. В 1750-е гг. читал в Оксфордском университете лекции по английской конституции и законодательству, затем возглавил специально созданную кафедру английского общего права. Из оксфордских лекций составились четырехтомные «Комментарии к законам Англии» (1765–1769), в которых был обобщен весь имеющийся правовой материал и закреплены правила и способы толкования права. Только при жизни автора сочинение было издано восемь раз и по сей день сохраняет свое значение для англо-американской правовой системы. Первый русский перевод «Комментариев» был осуществлен в 1780–1782 гг. ученым-правоведом, профессором юриспруденции Московского университета Семеном Ефимовичем Десницким (1740–1789) и издан в Москве под заглавием «Истолкование Английских законов г. Блэкстона».

¹² Юстиниан I (483–565) – византийский император с 527 г. Руководствуясь в государственных делах принципом «единое государство, единый закон и единая церковь», стремился к тому, чтобы сосредоточить в своих руках одновременно всю политическую и церковную власть. Его церковная политика была направлена не только на внешнее управление церковью, но и предполагала вмешательство в ее внутренние дела. В частности, император имел право устанавливать единую догму среди всех подданных империи, участвовать в догматических спорах и выносить по ним заключительное решение. Поскольку внутри христианства существовали различные течения, это расслоение воспринималось Юстинианом как угроза единой христианской вере. Этим объясняется его борьба с еретиками на раннем этапе правления. Впоследствии его основные усилия будут направлены на борьбу с нехристианами — иудеями, язычниками и пр. Законодательные акты его времени («Дигесты») стали основой канонического права на последующие века для восточных христианских церквей.

¹³ Блез Паскаль (1623–1662) — французский ученый, литератор и философ. В его знаменитом философско-религиозном труде «Мысли» (1670) многочисленны высказывания, которые демонстрируют, что христианская вера питается идеей отвращения к жизни и тяготения к смерти, и возводит болезнь в статус закономерного состояния христианина. По свидетельству его сестры Жильберты, Паскалю принадлежат следующие слова, сказанные незадолго до смерти: «Не жалейте меня, болезнь — это естественное состояние христианина, такое, в котором он должен пребывать всегда, то есть в страданиях, в муках, лишенным всяких благ и чувственных наслаждений, свободным от всех страстей, без честолюбия, без алчности и в постоянном ожидании смерти» («Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне»). См. также выше примеч. 9 к статье Т. Б. Сигал.

¹⁴ “*Journal de Bouillon*” (настоящее название — “*Journal politique ou Gazette des Gazettes*”) — периодическое издание, выходившее с 1764 по

1793 гг. в г. Буйон (Бельгия) и посвященное преимущественно вопросам международной политики и в меньшей степени – литературной жизни.

¹⁵ *Август Людвиг Шлёцер* — см. прим. к статье А.Н. Пыпина.

¹⁶ *Публий Овидий Назон* (43 г. до н.э. – 17/18 г.н.э.) — древнеримский поэт. Ему принадлежат поэтический сборник «Любовные элегии», «Героиды», представляющие собой собрание любовных посланий от лица мифологических героинь к их мужьям или возлюбленным, пародийная дидактическая поэма «Наука любви», поэма «Лекарство от любви». Наиболее значительное произведение — поэма «Метаморфозы» в 15 кн., где представлено около 250 сюжетов о превращениях людей в растения, животные, камни и пр., заимствованных преимущественно из греческих и римских мифов. К позднему периоду относятся поэтические сборники «Скорбные элегии» и «Письма с Понта», написанные во время ссылки, куда Овидий был отправлен по приказанию императора Августа.

¹⁷ *Анакреон* (ок. 570–487 гг. до н.э.) — древнегреческий поэт. Для него характерно простое и ироничное отношение к миру и самому себе. Любовная тематика является основной в его творчестве, при этом любовь трактуется у Анакреона как легкая, приятная игра. В его жизнелюбивой поэзии встречаются и примеры шуточных поэтических обращений к богу вина Дионису. Подлинные произведения сохранились в небольшом количестве и преимущественно в отрывках. Однако творчество Анакреона породило многочисленные подражания в эпоху Возрождения, Просвещения и романтизма, известные как анакреонтическая поэзия.

¹⁸ *Крисп Гай Саллюстий* (ок. 87–35 гг. до н.э.) — древнеримский историк. Основные сочинения — «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», а также «История», сохранившаяся лишь в разрозненных фрагментах. В своих исторических сочинениях Саллюстий последовательно проводит идею о нравственном упадке, отказе от традиционных добродетелей как причинах падения Римской республики.

¹⁹ *Уложенная комиссия* — временный коллегиальный орган, созданный императрицей Екатериной II с целью разработки нового уложения взамен «Соборного уложения» 1649 г. В своей работе Комиссия должна была руководствоваться текстом «Наказа», где Екатерина изложила свои принципы государственного управления в соответствии с идеологией «просвещенного абсолютизма». Большое собрание Комиссии работало с июля 1767 по январь 1769 г. Помимо Большого собрания существовали частные комиссии, которые работали до 1771 г.

²⁰ *Николай Иванович Новиков* — см. прим. к статье М. П. Баскина.

²¹ *Петр Алексеевич Плавильщиков* (1760–1812) — российский драматург и актер. С 1779 г. состоял на службе дирекции Императорских театров в Петербурге, с 1793 г. работал в московских театрах, а также руководил домашними театрами П. М. Волконского, Н. П. Шереметева, А. Н. Дурасова и др. Ему принадлежит около 15 драматических сочинений (комедий и драм). Все они с успехом ставились на сценах театров Петербурга и Москвы.

Плавильщиков принимал участие в постановке многих из них в качестве актера. С мая по сентябрь 1782 г. выпускал литературный журнал «Утра», в 1790-е гг. издавал совместно с И. А. Крыловым и А. И. Клушиным журнал «Зритель», превратившийся впоследствии в «Санкт-Петербургский Меркурий». Автор ряда теоретических статей («Рассуждение о зрелищах», «Театр»), где утверждал общественную значимость театра и требование национального своеобразия в театральном искусстве.

²² *Публий Корнелий Тацит* (ок. 55–120) — древнеримский историк и государственный деятель. Ему принадлежат небольшие исторические сочинения «Агрикола», «Германия», «Диалог об ораторах». Основные труды «История» и «Анналы» сохранились частично. В этих сочинениях была предпринята попытка осмысления истории Римской империи до убийства императора Домициана из династии Флавиев в 96 г., предшествовавшего приходу к власти династии Антонинов. Тацит выступает сторонником традиционных римских добродетелей и констатирует их упадок в Римской империи. В целом придерживаясь принципа объективного, летописного изложения, Тацит часто демонстрирует собственный взгляд на исторические процессы, в частности, выступает с резким осуждением политики некоторых императоров, трактуемой им как деспотической. В Новое время пользовался широкой известностью в Европе, выступая одним из основных источников сведений о римской истории.

²³ В цитируемом словаре Н. И. Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях» переводчик «Духа законов» обозначен под именем Алексея Мятлева.

²⁴ В самом тексте рукописи автором перевода значится Александр Павлов. См. Фонд 885, Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, №42 (О прямом разуме законов, пер. Александра Павлова, лейб-гвардии Измайловского полка квартирмейстера).

²⁵ *Вольное общество любителей словесности* — крупное литературное объединение, существовавшее в Петербурге с 1801 по 1826 гг. На протяжении всей истории существования Общества в его деятельности принимали активное участие баснописец, критик и журналист А. Е. Измайлов, поэт и автор трудов по теории русского стиха А. Х. Востоков, автор трехтомного «Словаря древней и новой поэзии» (1821) Н. Ф. Остолопов, писатель и автор сочинений по теории искусства А. А. Писарев. На разных этапах истории Общества к нему примыкали многие другие литераторы, в частности имя К. Н. Батюшкова связано со вторым периодом (1808–1813). Общество стало центром передовых демократических идей, выражавшихся в критике деспотизма и крепостнического строя и сформировавшихся прежде всего под влиянием А. Н. Радищева. В первые годы существования Общества внимание его членов было преимущественно обращено на решение философских, социально-политических и исторических вопросов, что заставило их обратиться в том числе к западноевропейской просветительской литературе XVIII в. Согласно сохранившимся материалам протоколов, сочинения просветителей,

наряду с собственными сочинениями членов Общества, читались и обсуждались на его заседаниях, были предприняты многочисленные переводы наиболее значимых памятников просветительской литературы. В 30-е гг. XX в. группа молодых поэтов, членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (в первую очередь, И. П. Пнин, В. В. Попугаев, И. М. Борн, А. Х. Востоков), получило наименование «поэтов-радищевцев».

²⁶ *Джон Перри* (1670–1732) — английский инженер. Прибыл в Россию в 1698 г. по личному приглашению Петра I и пробыл там до 1712 г., занимаясь строительством доков, шлюзов и каналов в разных частях страны (Царицын, Воронеж, Новгород, Петербург), в частности руководил строительством канала между Доном и Волгой, не законченным в связи с началом Северной войны. В 1716 г. в Лондоне вышла его книга «Состояние России при нынешнем царе», в которой содержатся ценные сведения по истории строительства водных сообщений и флота при Петре I. Уже в 1717 г. вышло в свет сразу несколько изданий на французском языке — в Париже, Гааге, Амстердаме и Брюсселе. В каталоге библиотеки Монтескье не содержится упоминаний ни об одном из этих изданий, однако многочисленные отсылки к Перри в «Духе законов» свидетельствуют о близком знакомстве Монтескье с текстом «Состояния России при нынешнем царе». Они же позволяют сделать вывод о том, что Монтескье пользовался именно парижским изданием, в котором, в отличие от всех остальных французских изданий, собственному перевод сочинения Перри был дополнен исторической частью от издателя, основанной на различных свидетельствах «лучших историков».

²⁷ *Князь Долгорукие*, занимавшие наивысшие государственные должности при императоре Петре II и пользовавшиеся исключительным влиянием в принятии государственных решений, были изобличены в политических интригах. В частности, им вменялось в вину составление подложного завета Петра II, по которому преемницей императора назначалась его невеста княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая. За неудачной попыткой объявить княжну Долгорукую императрицей последовало выдвижение кандидатуры курляндской герцогини Анны Иоанновны с намерением заставить ее подписать так называемые «Кондиции», которые ограничивали самодержавную власть, оставляя за императрицей лишь представительские функции, тогда как реальная власть оставалась в руках Долгоруких и других членов Верховного тайного совета. По восшествии на престол Анна Иоанновна издала ряд указов о лишении Долгоруких занимаемых должностей и изгнании их в отдаленные поселения. Впоследствии были обнародованы новые обвинения по делу Долгоруких, в том числе обвинения против Ивана Алексеевича Долгорукого, бывшего фаворита Петра II, в nepзпозволительных речах против императрицы. В результате следствия четверым членам семьи был вынесен смертный приговор. Иван Алексеевич, а также его родные дяди, князь Сергей и Иван Григорьевичи, и двоюродный дядя Василий Лукич были казнены 8 (19) ноября 1739 г. на Красном поле под Новгородом. Князь Иван подвергся наиболее страшной казни — колесованию.

²⁸ *Мари-Катрин Д'Онуа* (1651–1705) — французская писательница. Стоит у истоков жанра литературной волшебной сказки. В своих сказках, адресованных взрослой аудитории, мадам д'Онуа прибегает к аллегории и сатире, которые служат инструментом критики придворной жизни и французского общества XVII в. Сказка «Остров блаженства», включенная в роман «История Ипполита, графа Дугласа» (1690), является первой литературной волшебной сказкой, опубликованной во Франции. В 1697 г. были опубликованы трехтомные «Волшебные сказки», а в 1698 г. появился четвертый том под заглавием «Новые сказки, или Модные феи». Вместе с книгами ее современника Ш. Перро они установили прочную моду на жанр литературной сказки.

²⁹ *Сикофанты* — в древнем мире профессиональные доносчики, злостные обвинители, клеветники. Сикофанты инициировали судебные процессы против влиятельных лиц по различным преступлениям, способным нанести ущерб государству (в частности, контрабанда смоквы, вывоз которой из Греции был запрещен, чем, вероятно, и объясняется происхождение слова «сикофант»: от греч. *sykon* = «смоковница» и *phaino* = «доносить»). В случае успешного завершения дела получали определенное вознаграждение в виде части штрафа или доли конфискованного имущества ответчика.

Ш. Л. Монтескье Лисимах

Печатается по: Монтескье Ш. Л. ; Montesquieu C. L. Лисимах / Из сочинений г. Монтескье. ; [Перевел С. Башилов]. - [СПб.: Тип. Акад. наук, 1769]. С. 3–11.

«Лисимах» был еще раз переведен на русский язык и опубликован в 1791 г. в «Московском журнале» (часть IV книжка III декабрь) за подписью переводчика А.Т.

«Лисимах» был написан в 1751 г. в качестве вступительной речи для Академии наук, созданной в Нанси Станиславом Лещинским и есть основания предполагать, что Монтескье, восхваляя Лисимаха, генерала Александра Македонского, воздает дань почтения бывшему польскому королю. Текст впервые был опубликован в 1754 г. в *Mercure de France*. Он был еще раз переведен на русский язык и опубликован в 1791 г. в «Московском журнале» (часть IV книжка III декабрь) за подписью переводчика А.Т.

¹ *Лисимах* (ок. 361–281 до н. э.) — полководец Александра Македонского, правитель Фракии с 323 года до н. э., царь Македонии с 285 года до н. э. Арриан упоминает Лисимаха среди телохранителей Александра Вели-